

вич протянул руку к портрету и спросил: «А ты что думаешь об этом, Владимир Сергеевич?». Соловьев безмолвствовал.

На предзащите

На заседании кафедры литературы должны были обсуждать мою кандидатскую диссертацию. А перед этим были другие важные текущие вопросы. Их так долго рассматривали, что пришлось сделать обеденный перерыв, а рассмотрение моей диссертации продолжить уже после обеда. Юрий Михайлович отреагировал на это словами: «Повесили на дыбу и ушли обедать». После обеда сытые и довольные литературоведы допустили к защите мою диссертацию.

Любимая цитата

Юрий Михайлович очень любил цитировать слова Митрофанушки из «Недоросля» Д. Фонвизина: «Всю ночь дрянь какая-то снилась: то матушка, то батюшка».

Стихотворный экспромт

Тема стукачей в Тарту была актуальна. Стукачи были и среди студентов. У нас на курсе один из них организовал вечер встречи с КГБ. Его папа был полковником. Слежка велась и за семьей Лотманов. Вспоминается экспромт Юрия Михайловича:

Накупили сухача,
Пригласили стукача.

Вадим Парсамов

«Всякое общение есть воспитание»

Эти слова Юрия Михайловича Лотмана (далее ЮМ) очень точно передают суть его педагогической системы. Те, кому выпало счастье быть его студентами, несомненно помнят, сколь разнообразным было общение Учителя с ними. И не только в университетских помещениях, но и у себя дома, в городском парке, в кафе и, наверное, еще много можно было бы указать мест, в которых ЮМ с необыкновенной щедростью делился с нами богатством своей души. Для нас это было счастье, а для него, как я сейчас понимаю, важнейшей потребностью, может быть, не меньшей, чем научная работа или чтение лекций. И не так уж

важно, кем впоследствии стали его ученики, как то, что для многих из них это общение продолжается вот уже почти тридцать лет после его смерти. Для самого ЮМ смерть была условием жизни, а память — способом преодоления смерти и возможностью вести диалог с теми, кого с нами уже нет.

Осенью 1981 года, когда я поступил на первый курс Тартуского университета, Юрий Михайлович Лотман читал нам «Введение в специальность», и я имел возможность сообщить ему, что собираюсь на следующий год записаться в его семинар. Однажды в коридоре главного здания, где читались лекции, он остановил меня и предложил зайти к нему как-нибудь «для разговора». На мой вопрос, когда у него будет время, он ответил: «Времени не будет никогда, поэтому заходите в любое время». Через несколько дней, в сильном волнении, я впервые переступил порог его большой квартиры на улице Бурденко. Первая же фраза, которую произнес ЮМ, когда мы сели в его кабинете, меня поразила: «Я скоро умру, и в этом нет ничего особенного». Он пояснил, что начал работу, для завершения которой ему потребуется пять лет¹⁷, и что он не уверен, что они у него есть, поэтому (не помню, как он точно сформулировал) с моей стороны было бы бессовестно зря отнимать у него время. И далее, перефразируя известное выражение Льва Толстого: «Если можете не заниматься наукой — не занимайтесь», — он продолжил: «Жизнь пролетит незаметно, оглянитесь назад, а там — пустота. Но если Вы все-таки решитесь, то я должен каждую неделю видеть Ваш рост, иначе Вы будете напрасно тратить мое время». Так или примерно так начался наш разговор. Когда далее мы перешли непосредственно к теме моей будущей работы, я сказал, что хотел бы заниматься Кюхельбекером. ЮМ с энтузиазмом отреагировал на мое предложение. И тут же, достав с полки книгу — это был посмертно изданный труд его учителя Николая Ивановича Мордовченко «Русская критика первой четверти XIX века», — он протянул ее мне с заданием законспектировать все, кроме главы «Споры о комедии», и добавил, что глава о Кюхельбекере — это лучшее, что о нем написано. Так с конспектирования Мордовченко началась моя учеба у Лотмана.

Кюхельбекером я занимался два первых года, а по окончании второго курса ЮМ предложил мне на будущий год заняться Пестелем. Для меня это было неожиданно, но у ЮМ была своя логика. Пестель интересовал его как «архаист», ЮМ полагал, что его можно вписать в кружок «младших архаистов» (Кюхельбекера, Грибоедова, Катенина). В двух своих работах: комментарии к «Евгению Онегину» и статье «Архаисты-просветители» — ЮМ коротко упоминал о терминологической реформе Пестеля, напоминающей корнесловие Шишкова. Но я потом понял, что у ЮМ был и другой интерес. Работая над книгой о Карамзине, он много читал о Французской революции, и, видимо, тогда уже ему пришла мысль о возможной связи «шишковизма» Пестеля с языковыми проектами якобинцев. Мне, третьекурснику, это и в голову прийти не могло, и ЮМ сначала ничего мне об этом не сказал. Я же в полном соответствии с исследовательскими штампами того времени полагал, что декабристы, как дворянские революционеры, «боялись» народного размаха Французской революции. Правда, кое-какие сомнения закрадывались. В частности, мне не давала покоя фраза Пестеля, приписываемая ему в мемуарах Трубецкого:

17 Я тогда постеснялся спросить, над чем он работает, но теперь понимаю, что речь шла о книге о Карамзине.

«Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности». Было ясно, что Трубецкой, видимо, описался, и речь шла о Комитете общественного спасения, но сути это не меняло. Мне трудно было понять, как мог Пестель перед членами Союза спасения, замышлявшими переворот, но при этом желающими избежать революционного ужаса, восхвалять якобинскую диктатуру.

В конце мая 1984 года я защищал курсовую по Пестелю. Защита курсовых и дипломных работ для ЮМ была почти катастрофой, хоть и воспринимаемой им с юмором, но тем не менее страшно его изматывавшей.

Работы своих студентов, которых было немало¹⁸, он прочитывал крайне внимательно, делая массу замечаний на полях, а потом еще разбирал каждую курсовую устно в присутствии ее автора. Поскольку все работы сдавались почти одновременно в последний момент, ЮМ читал их бессонными ночами¹⁹, и к нему вереницей тянулись авторы сначала курсовых, а потому и дипломных сочинений. Телефона тогда у Лотманов не было. В принципе, к ним можно было прийти без предупреждения, но это не означало, что вас обязательно примут, особенно в напряженные дни сдачи курсовых. Днем я отнес курсовую ЮМ, и он мне велел зайти «вечером попозже». Захожу в 10 часов, он просит зайти через час. Захожу в 11 часов. На этот раз дверь открывает Зара Григорьевна: «К Юрию Михайловичу? Сейчас узнаю, сможет ли он Вас принять». Возвращается: «Юрий Михайлович просил зайти через час». «Зара Григорьевна, — говорю, — через час будет 12 ночи...» — «...И это не значит, что Вас примут, — продолжила Зара Григорьевна, — так что будьте готовы зайти еще позже». В полночь ЮМ меня принял. Он говорил о недостатках моей работы быстро и довольно резко. Сейчас помню только, он настаивал на том, что надо убрать термин «русификация», так как это может вызвать нежелательные ассоциации с политикой Александра III в Прибалтике. Под конец я задал ЮМ вопрос о мучившей меня фразе Пестеля. ЮМ был человек живого воображения и художественного мышления. Он только на секунду задумался и тут же ответил: «Представьте себе: выступает Пестель, говорит что-то о целесообразности отдельных мероприятий якобинцев, и тут не расположенный к нему Трубецкой бросает с места реплику: “Так Вы хотите сказать, что Франция блаженствовала?”, а потом уже в мемуарах приписал свою фразу Пестелю». И хотя нет даже косвенного доказательства, что все было именно так, но ЮМ произнес это с такой убедительной интонацией, что до сих пор мне трудно отделаться от впечатления, что это могло быть как-то иначе. Развивая эту мысль, ЮМ сказал, что только школьные представления о Французской революции заставляют отождествлять якобинскую диктатуру с террором. В действительности якобинцы проводили широкую и многообразную политику, и мне бы не мешало это знать. На одной из лекций он, помню, выразил сожаление, что историки Французской революции не обращают внимания на запись Пушкина слов Будри, его лицейского учителя французского языка и родного брата Ма-

18 К их числу следует добавить еще и студентов Зары Григорьевны, у которых он, как правило, бывал оппонентом.

19 Дело еще усугублялось тем, что в ту докомпьютерную эпоху курсовые, как правило, писались от руки и далеко не всегда разборчивым почерком. Однажды ЮМ, оппонировав одну такую неудобочитаемую работу, в сердцах сказал: «Я понимаю, что вы ночью пишете, но и вы поймите, что я ночью читаю».

рата: «Он очень уважал память своего брата и однажды в классе, говоря о Робеспьере, сказал нам, как ни в чем не бывало: *s'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravailiac*»²⁰. У ЮМ, для которого Пушкин всегда был высшим авторитетом, почти не было сомнений, что за убийством Марата стоит Робеспьер. Он видел в них две противоположные линии в революции: один возглавлял террор толпы, направленный наверх, другой — террор власти, направленный вниз.

Я не очень хотел дальше заниматься Пестелем²¹ и сменил тему, но через год, когда нужно было выбирать тему диплома, ЮМ настоял, чтобы я опять вернулся к главе Южного общества. Полагаю, его не устроила моя курсовая работа, где, собственно говоря, почти ничего не было сделано из того, что, по его мнению, следовало сделать. При обсуждении темы ЮМ взял со стола толстую книгу в старом переплете, протянул мне со словами: «Вам надо прочесть». Это был десятый том французского издания Фердинанда Брюно «*Histoire de la langue française des origines à 1900*», посвященный французскому языку в период Великой французской революции. На вопрос, читаю ли я по-французски²², я, сильно преувеличивая свои возможности, ответил: «С трудом». «Ничего, — сказал ЮМ, — со словарем справитесь. Через несколько дней я верну эту книгу в библиотеку, Вы ее закажете и будете читать». ЮМ не только вскоре сдал книгу, но и любезно уведомил меня об этом. Этому увлекательному чтению я посвятил несколько месяцев, но книга Брюно открыла передо мной совершенно в ином свете языковую политику Пестеля. На студенческой конференции 1986 года я делал доклад на эту тему. Во время обсуждения ЮМ начал говорить о том, чего в моем докладе не хватало. Это была великолепная импровизация на тему, что Пестель мог знать о Французской революции. ЮМ привел ряд малоизвестных даже специалистам эпизодов, которые мною не были учтены и, конечно же, не были мне известны. У присутствующих могло сложиться впечатление, что ЮМ просто разносит мой доклад. Лариса Ильинична Вольперт, видимо, решив как-то поддержать или заступиться за меня, задала ЮМ вопрос: «Юрий Михайлович, с чего Вы взяли, что Пестель так же хорошо знал Французскую революцию, как Вы?» — «Мадам, — ответил ЮМ, — уверяю Вас, Пестель знал намного лучше».

По окончании университета и до закрытия границ с Эстонией я наездами бывал в Тарту по несколько раз в год. В один из моих приездов ЮМ лежал в больнице. Мы с Людой Зайонц²³ пришли его навестить и встретили там Ла-

20 «Это он тайком обработал ум Шарлоты Корде и сделал из этой девушки второго Равальяка» (фр.) (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 12. М.: АН СССР, 1949. С. 166).

21 В то время он мне представлялся хуже Николая I. Когда я сказал об этом ЮМ, он ответил: «Ваш Николай повесил пятерых, а Пестель никого». Но меня это не остановило, и я добавил, что если бы Пестель пришел к власти, то голов полетело бы больше. «Да что Вы, — парировал ЮМ, — они бы Пестелю первому голову отрубили, а к власти, скорее всего, пришли бы люди, о которых мы теперь ничего не знаем».

22 ЮМ всячески советовал и даже настаивал, чтобы его студенты учили французский язык. «Не зная французского языка, — говорил он, — нельзя изучать русскую литературу». И некоторые студенты, вняв его совету, и с бескорыстной и щедрой помощью Ларисы Ильиничны Вольперт, читавшей у нас зарубежную литературу, изучали французский язык.

23 Людмила Олеговна Зайонц — ученица ЮМ, окончившая Тартуский университет в 1983 году, специалист по истории русской культуры XVII—XIX веков.

рису Ильиничну, также пришедшую навестить больного. Помню, ЮМ просил Ларису Ильиничну принести ему в больницу «Философский словарь» Вольтера. Речь шла о редком издании XVIII века, которое можно было получить только в отделе редких книг. Понятно, что из этого отдела книги на дом не выдавались, поэтому Лариса Ильинична предложила ЮМ сказать, что конкретно его интересует, она сама посмотрит и потом ему перескажет. «Мадам, — я должен видеть своими глазами», — настаивал ЮМ. «Но мне не разрешат вынести книги», — продолжала упорствовать Лариса Ильинична. «А Вы скажите, что для меня, и Вам дадут», — не сдавался ЮМ. Но тут же, несколько смущаясь от собственной самонадеянности, он шутливо процитировал пушкинскую строку: «Себя по совести цена».

В то время на всю страну гремело общество «Память». ЮМ, чтобы поднять нам настроение, пародируя дискурс этой компании, стал рассказывать, как «жидомасоны» убили Павла I. Я сейчас не возьмусь воспроизвести то, что он говорил, да и вряд ли вообще это можно передать на письме. Но делал он это настолько художественно, что можно было помереть со смеху. Нередко, когда ему бывало грустно, он старался развеселить других, а то, как он любил повторять, «на печального и вошь лезет».

Последняя наша встреча состоялась 26 июня 1992 года. Точное число восстанавливаю по дарственной надписи на книге, которую ЮМ подарил мне при прощании. Учитель плохо себя чувствовал и, как я мог заметить, был несколько подавлен. Мы сели, разговор не начинался. Чтобы прервать несколько затянувшуюся паузу, я задал дурацкий вопрос: «Как поживаете, Юрий Михайлович?». Он ответил фразой, видимо, ставшей для него уже привычной при ответах на подобные вопросы: «Зары Григорьевны нет, а в остальном ничего». В то время я преподавал в Ужгородском университете, и в новом учебном году должен был читать курс «Историческая поэтика русской литературы». Обсудить с ЮМ содержание моих будущих лекций и было одной из целей моего посещения. ЮМ несколько оживился и начал излагать мне концепцию построения курса. Он предложил использовать понятие взрыва для смены поэтических парадигм. Такой подход предполагал изменение исследовательского ракурса. Нужно стараться взглянуть не из настоящего в прошлое, а, наоборот, посмотреть из прошлого вперед и увидеть пучок новых возможностей, которые открываются современникам при взрыве. Историк литературы, по мысли ЮМ, должен учитывать не только пройденные пути, но и отброшенные варианты. «Представьте, — говорил он, — движется колонна, и вдруг взрыв. Все летит в разные стороны, и никто не знает, какая сложится дальше картина. Потом образуется новая колонна и движется уже в другом направлении, и опять взрыв, и опять непредсказуемость». Вместо линейно-закономерной картины историко-литературного процесса возникала сложная игра реализованных и упущенных путей развития. Такой подход был интересен тем, что он позволял объединить в одном взгляде историко-литературный процесс, творчество отдельных писателей и творческую историю отдельных произведений с их черновыми вариантами. Вместо результатов развития появлялись поиски путей, а вместо ответов новые вопросы...